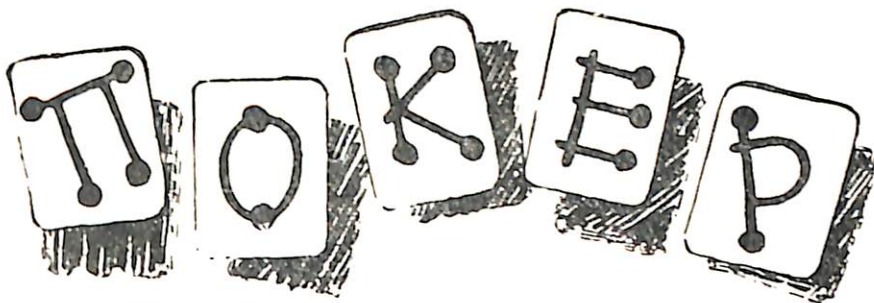

Рисунки И. Блюха

РОБЕР БУДРИ

Редакция журнала «Современный Восток» в начале прошлого года опубликовала отрывок из романа французского писателя Робера Будри «Покер».

Автор романа — бывший губернатор Мадагаскара, покинувший этот пост в 1947 году, когда французские империалисты начали кровавую расправу с национально-освободительным движением мальгашского народа. Робер Будри примкнул к прогрессивной общественности Франции и в своем романе нарисовал рельефную и точную картину колониального рабства на Мадагаскаре. В основу «Покера» положены подлинные факты. Эта книга — обвинительный акт против колониализма, против дикости, варварства и разложения, которые он несет с собой.

В этом номере мы публикуем первую главу романа.

10 августа 1500 года португалец Диего Диас открыл для Европы новый остров — Мадагаскар. Вслед за Диасом остров стали посещать и другие европейцы: французы, голландцы, англичане. Это были флибустьеры и пираты, занимавшиеся грабежами и работорговлей.

Они высаживались на берег, чтобы отдохнуть после дальнего морского пути и пополнить запасы продовольствия. Но не только цыплят и рис получали они в обмен на дешевые стеклянные бусы. Жители острова платили за всякий европейский хлам чистым золотым песком и черным золотом тех времен — рабами. Дорогу французским коммерсантам, образовавшим в 1642 году компанию монопольной торговли с Мадагаскаром, проложили самые откровенные разбойники.

Когда историк выясняет обстоятельства рождения нации, он обнаруживает кровь и грязное белье, как при рождении ребенка. При создании заморской колонии лилась кровь туземцев и раздавались сладкоречивые проповеди миссионеров, освящавших елеем отвратительные насилия и грабеж.

Человек гордится тем, что он не четвероногое животное, что он двуногий. Но у колонизатора одна нога в крови, а другая в грязи. Человек обладает двумя руками, но вместо того, чтобы быть мирным пахарем и вести плуг, он этими руками избивает и убивает других людей. Ум, которым человек так любит хвастаться, может быть направлен не только на то, чтобы прокладывать пути мира, но и на то, чтобы эксплуатировать себе подобных.

Прогресс заключается в том, чтобы очистить от грязи почву, на которой стоит человек, занять его руки честным трудом и не допускать эксплуатации человека человеком.

ПАССАЖИРЫ ВЫСАЖИВАЮТСЯ НА ОСТРОВ

На пароходе, подошедшем к гавани, царили обычные в такой час сутолока и гомон. Шарль Фремо торопливо прошагал по коридору вдоль кают, а затем взбежал на палубу, явно разыскивая кого-то.

— Ах, вот наконец и ты! — воскликнул он. — Где же ты пропадала? Я тебя искал повсюду.

Он обратился к элегантной даме уже не первой молодости. Опершись о бортовое ограждение, она задумчиво смотрела на море.

Пассажирский пароход «Кольбер» прибыл с очередным рейсом из Франции. Войдя на рассвете в залив, образованный расширенным устьем реки Бецибока, он отдал якоря у подхода к порту Мажунга в нескольких кабельтовых от пакетбота «Кирнос», покидавшего остров и направлявшегося к берегам Франции. В восемь часов утра здесь было уже очень жарко. Пассажиры, прибывшие из Франции, с изумлением оглядывались по сторонам. Особенно их поражало море. Волны и солнце, словно чудесные художники, непрерывно перекрашивали его колышущуюся поверхность. Вода казалась то багровой, то

цвета какао, то золотисто-оранжевой. Бухту охватывали с одной стороны поросшие редким кустарником дюны, над которыми высился маяк Катсепе, а с другой — песчаная коса Кайман с рассыпанными вдоль нее белыми домишками, мелькающими в темной зелени деревьев. Вдали открывались эстуарии земли острова. На юге, за красно-бурой поверхностью реки, вырисовывались очертания мясолодской Буанзмаре, а далее — полосы прибрежной растительности, казавшиеся вдали синеватыми.

Шарль Фремо подошел к Жаклине Депардьё. Он был в костюме из шелкового полотна — форма крупного чиновника колониальной администрации. Ему предстояло после высадки с парохода проехать со своей семьей, женой и детьми, от Таматаве до Тананариве — столицы Мадагаскара — поездом.

— Ах, это опять ты! — воскликнула Жаклина. — Твоя жена может нас увидеть, а я вовсе не желаю повторения скандала.

— Но мне необходимо встретиться с тобой в твоей каюте до того, как мы сойдем на берег, — властно прошептал Фремо. — Я должен сообщить тебе нечто очень важное...

— «Нечто важное!» — расхохоталась Жаклина. — Да ведь я заранее знаю все твои важности. Боже мой, до чего мужчины бывают навязчивыми! Ведь у нас будет еще достаточно времени для встреч.

— Но пройдет целая неделя, пока я вновь увижу тебя в Тананариве. Я этого не перенесу!

Жаклина смеющимися глазами разглядывала своего настойчивого любовника. В глубине души она радовалась такой страстной привязанности. Фремо продолжал твердить свое.

— Ты мне не откажешь, Жаклина. Твой благоверный пустился в долгие рассуждения с капитаном, моя супруга хлопочет о нашем багаже и детях... Времени хватит. Через несколько минут жди меня в своей каюте.

— А если Жюль застанет нас?

И Жаклина на минуту задумалась, наблюдая за маленьким таможенным катером, хлопотливо устремившимся к пакетботу «Кирнос». Что принесет ей бурная страсть, вспыхнувшая во время океанского рейса? Будет ли продолжаться это неистовое увлечение и в Тананариве? Не заглушат ли его многочисленные соблазны отупляющей колониальной жизни?

Между тем Шарль Фремо проявлял нетерпение.

— Ну, что ж, если ты так настаиваешь... — обр-нила она.

Фремо не отрываясь следил за удаляющейся Жаклиной. Она шла неторопливо, с достоинством. Ему еще никогда не приходилось встречаться с такими женщинами. Он восхищался ее гибким станом, красиво очерченными бедрами и движениями, напоминавшими повадку молодого ласкового зверя.

Пассажиры, высаживавшиеся в порту Мажунга, подняли неистовую суматоху. В мгновение ока полуголые мальгаша на своих лодочках осадили пароход, атаковали сходни, предлагая свои услуги, вырывая багаж из рук суетливых, растерявшихся европейцев. Туземные грузчики устремились в трюмы. Загрохотали, закричали лебедки... Началась выгрузка товаров на лодки. По коридорам вдоль кают нервно проносились раскрасневшиеся пассажиры, выкрикивавшие имена своих детей. Здесь же топтались, недоуменно оглядываясь по сторонам, почтенные колонисты, явившиеся с букетами встречать приехавших. Гул и суета воцарились на пароходе, где

еще недавно многодневному путешествию между куполом неба и пучинами океана сопутствовали тишина и спокойствие.

Солнечные лучи падали отвесно, и жара стояла неумолимая.

Сойдя с капитанского мостика и наконец-то освободив беднягу-капитана от необходимости выслушивать неистовый поток колониальных анекдотов, почтеннейший Жюль Депардьё, муж Жаклины, оставался, ухватив за пуговицу Клода Вальераза.

— Итак, мой дорогой Вальераз, вот вы и на Мадагаскаре!

Молодой инженер Клод Вальераз, впервые приехавший на Великий остров, растерялся в этой шумной суете. В Париже он подписал долгосрочный контракт и получил назначение на должность директора лесхоза недалеко от Тананариве.

Сейчас, с борта парохода, Вальераз время от времени поглядывал на натягивающий якорную цепь «Кирнос», на громадный красно-бурый эстуарий¹, над которым, словно прозрачная вата, навис слой жаркого влажного воздуха.

Скоро они высадутся на эту землю, которая должна стать им второй родиной. Высадутся, как в пустой дом. Нужно будет обжить этот дом, сделать его уютным, родным, связать со своими привычками, житейскими планами, воспоминаниями.

Сюзанна Вальераз прислонилась к палубному ограждению рядом с мужем. Расширенными, испуганными глазами вглядывалась она в неведомый берег, будто смотрела в бездну.

— Жак, не наклоняйся так низко! — раздраженно окликнул сына Клод Вальераз. — Совсем от рук отбилась мальчишка!

Сюзанна чувствовала, что нервы у ее мужа напряжены. Жак посмотрел на отца, потом на мать и весело расхохотался. В необычной обстановке он чувствовал себя гораздо лучше, чем его встревоженные родители. Мальчику едва исполнилось пятнадцать лет, и он не страшился ничего. Ему хотелось броситься очертя голову навстречу приключениям на таинственном острове. Он много читал о них в книгах. Его сверстники, уже побывавшие на Мадагаскаре и возвращавшиеся туда после поездки во Францию, рассказали ему множество интересных историй. Там, в Тананариве, он, сын французского колониста, будет каждый день играть в теннис, в футбол и даже ездить верхом на собственной лошади. Жаку не терпелось поскорее добраться до «счастливого острова».

— Чем больше я думаю о том, что нас ожидает на Мадагаскаре, — грустно промолвила Сюзанна, — тем больше меня пугает неизвестность. Ведь просто безумие — бросить родные края и отправиться искать счастья на этот чужой остров. А ты сам не боишься, Клод?

— Нисколько! Это все равно, что обучаться танцам. Только первые па кажутся чертовски трудными, а потом все идет как по маслу! — храбрился Клод.

Сюзанна вздохнула. Грустные, ревнивые мысли не покидали ее. Ей так много рассказывали о легкости нравов в колониях, о соблазнах, подстерегающих мужчину на каждом шагу. Сюзанна абсолютно доверяла Клоду, но выдержит ли он испытание здесь, где женщин слишком много? Ведь он повседневно будет видеться со множеством свободных женщин — белых, мальгашек, метисок, которые только тем и заняты, что охотятся за любовниками —

¹ Расширенное устье реки.

французами... А что если Клод станет изменять ей? А их единственный сын... У Жака опасный возраст. Мальчик здесь может быстро испортиться...

Клод догадывался о тревогах Сюзанны.

— Дорогая, — ласково прикоснулся он к плечу Сюзанны, — неужели тебя не радует, что мы приехали? Проезд отсюда до Таматаве — уже пустяки... Посмотри-ка на эту красавицу-шхуну!

Маленькое судно вышло из порта и стрелой помчалось в открытое море. Оно шло по ветру, гордо распустив паруса. В центре палубы высилась деревянная башенка, полированная, покрытая цветным лаком, украшенная тонкой резьбой, какую можно увидеть лишь на старинных гравюрах. На корме шхуны развевался алый флаг Занзибара. На палубе обнаженные люди в пестрых набедренных повязках, с кожей, покрытой жарким загаром, наматывали снасти и переносили тюки с грузом.

— Все у нас будет в порядке, — подбадривал жену Клод. — Не к чему расстраиваться преждевременно. Мы будем строго соблюдать все правила гигиены, необходимые в здешнем климате, вести активный, деятельный образ жизни и таким образом избежим заболеваний, а здоровье — самое главное.

— Да, разумеется, — подтвердила Сюзанна. — А пока не забудь принять хинин перед высадкой на остров.

Она старалась сконцентрировать все свое внимание на мелких повседневных хлопотах, чтобы отогнать преследовавшие ее мрачные мысли.

Пассажиры столпились на нижней палубе у трапа, ожидая катера, который должен был доставить их к берегу. В толпе выделялась заносчивая физиономия Анри Корньера. Он ехал из Парижа на какую-то должность по наблюдению за работами, финансируемыми по договору о займе. Анри Корньер окончил парижский политехнический институт и относился с величайшим презрением ко всем, кто учился в каком бы то ни было другом высшем учебном заведении, а не в парижской «Эколь политехник». Странная спесь этого человека не знала границ.

— Вы окончили какой-то швейцарский институт по подготовке инженеров? — спросил Анри Корньер Вальраза при первом знакомстве. — А чего он стоит, этот ваш швейцарский институтишко?

И больше не удостоил Вальраза, своего коллегу, ни единым словом.

Наконец на палубу вышел и Шарль Фремо, раскрасневшийся и возбужденный. Его жена с детьми — двумя девочками и мальчиком — ждала его давно.

— А, вот и папа! — сказала она грустным тоном всегда усталой женщины.

— За нами придет катер самого коменданта округа! — нарочито громко произнес Фремо.

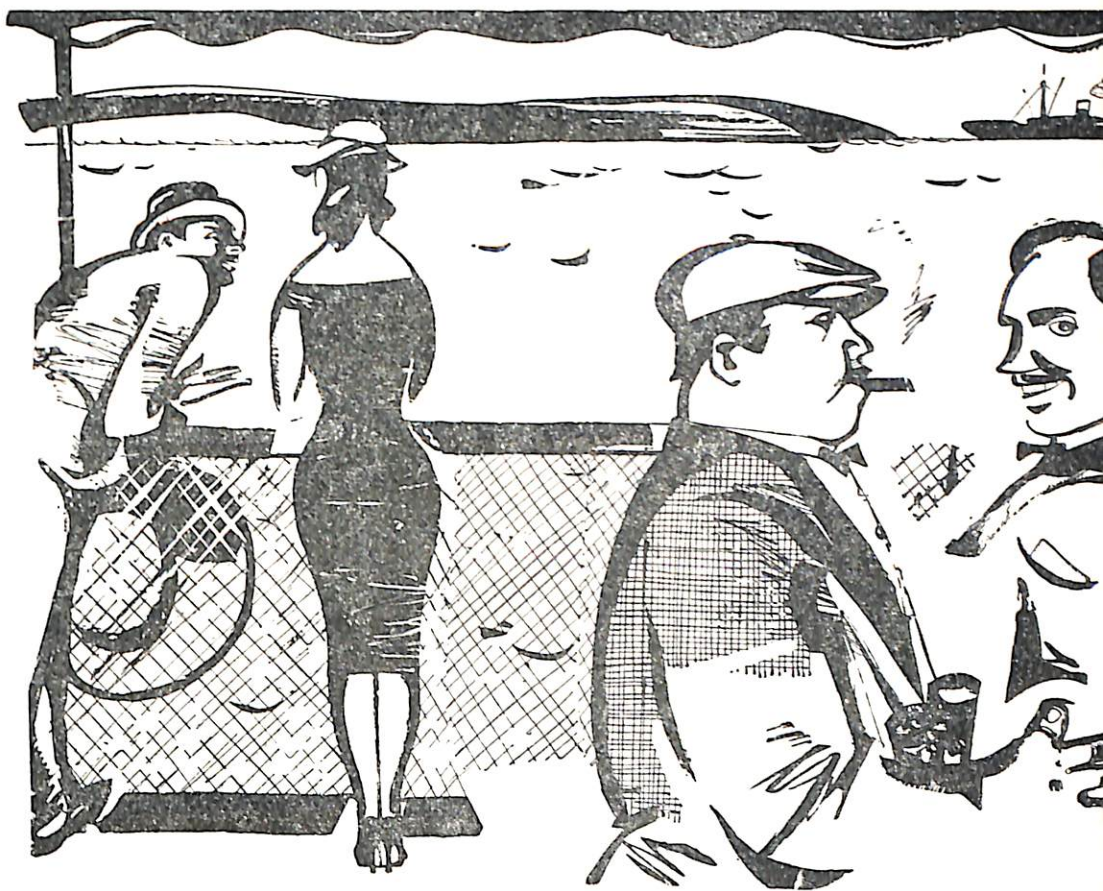
Он ужасно важничал и ломался, давая понять всем и каждому, что здесь, на Мадагаскаре, Шарль Фремо — важная шишка, влиятельный колониальный чиновник.

Но Моника, его старшая дочь, внимательно посмотрев на отца, вдруг прыснула и отвернулась в сторону младшей сестренки — Анны-Мари. Моника не проведешь! Она сразу догадалась, откуда явился сейчас ее папа. Мадам Фремо заметила непочтительное, дерзкое поведение старшей дочери по отношению к отцу. Она покраснела, потом побледнела, но смолчала. Фремо поспешно начал болтать о всяких пустяках, лишь бы избежать неприятных распросов.

В этот момент к высокому борту «Кольбера» с хода причалил белоснежный катер под трехцветным флагом.

— Это для нас! — воскликнул Фремо.

Из обычного пассажира он превратился здесь,

на Мадагаскаре, в мсье администратора Фремо, распоряжения и действия которого не подлежат обсуждению. Фремо не обязан отдавать отчет в своих поступках никому, кроме разве самого генерал-губернатора! Однако что за женщина, эта Жаклина! Она сразу все сообразила и не стала считаться со всякими предрассудками, предубеждениями и сентиментами! Вот это женщина!

— Нам придется тащиться в Манташу, — раздался раздраженный, полный обиды голос. — Моя жена вне себя. Ведь мы рассчитывали на пост в Тананариве, я имею на это все права. Всякие ловкачи и пройдохи с протекцией здесь только и устраиваются...

Только что стало окончательно известно, на какие именно должности, в какой пункт получили назначение специалисты, приехавшие на работу по контракту. Учитель Крепэн горько и громко жаловался на свою судьбу. До сих пор она его не миловала: он занимал незавидные должности. Приехав на Мадагаскар перед самой пенсией, Крепэн

надеялся получить более выгодный пост в Тананариве.

— Мы будем соседями, — услышал учитель дружеский голос.

— Это правда? — обрадовался Крепэн.

— Мы постараемся подыскать подходящий домик, чтобы обосноваться в Манташу, — пояснил Клод Вальраз. — В районе Манташу расположены лесные участки, где я буду работать.

С катера раздался резкий сигнал sireны. Пассажиры стали торопливо спускаться в катер. Вдруг на море поднялась зыбь. Это затруднило посадку. Катер качало на волнах. Депардьё, как старый рыцарь, протягивал руку женщинам, помогал детям. Последним спустился мсье Сантинелли, уполномоченный министерства колоний. Он был в высоких «болотных» ботфортах, будто собирался на охоту за гиппопотами. Впрочем, мсье Сантинелли был известен как человек, любящий все необычное.

Снова раздался звук sireны. Капитан катера предупредил пассажиров, что отчаливает. Но в этот момент с ними поравнялся другой катер, везший пассажиров с пакетбота «Кирнос».

— Шамарель!

— Депардьё!

— Что вы здесь делаете, Шамарель?

— Я провожал друзей на «Кирносе». Угадайте, кого я там видел!

— Откуда же мне знать?

Депардьё и Шамарель ухитрились обменяться рукопожатием, протянув руки через борта катеров, поднятых волной.

— Так слушайте же: Ванденбрюге покидает Мадагаскар и окончательно возвращается во Францию!

— Он бежит?

— Он разорен!

— Ванденбрюге разорен?

— Да, разорен кризисом.

Кризис! Это слово прозвучало зловеще и скорбно. Итак, Ванденбрюге разорен! Новость очень важная. Ведь Ванденбрюге считался крупнейшим бога-

чом на Мадагаскаре. Правда, у него было темное прошлое. В свое время он командовал фрегатом, который перевозил африканских рабов и женщин для гаремов. Но у кого из видных, богатых колонистов была незапятнанная биография? Зато в последнее десятилетие Ванденбрюге был почетным гражданином, воплощением совести и чести. Его избрали президентом административного совета, а парижское правительство наградило его орденом Почетного легиона.

— Ванденбрюге постарался исчезнуть незаметно, — продолжал Шамарель. — Я обнаружил его на «Кирносе» совершенно случайно. Провожал друзей и вдруг в темном коридорчике наткнулся на него самого носом к носу...

Депардьё не мог опомниться от изумления. Ванденбрюге явился на Великий остров торговцем-коробейником на другой день после завоевания Мадагаскара французами и по-

степенно взобрался на самую верхнюю ступень богатства и власти. Если на острове основывалось какое-либо новое коммерческое дело, если затевались выгодные разработки недр, если намечалось назначение чиновника на тот или иной ответственный пост, если вспыхивал очередной грязный скандал, люди говорили:

— Здесь чувствуется рука Ванденбрюге!

И действительно, то в тени, то совершенно отчетливо вырисовывался на фоне любой аферы, словно на экране, орлиный нос всемогущего и всеведущего атамана колониальной наживы — Ванденбрюге.

Депардьё и сам неоднократно пытался развернуть коммерческие операции, создать собственное «дело», но всякий раз неизбежно наталкивался на мощь Ванденбрюге, который либо получал свою «долю», либо душил новое предприятие. Колониальные чиновники, сам генерал-губернатор и даже министр колоний вынуждены были считаться с некоронованным королем Мадагаскара — Ванденбрюге.

А теперь этот человек, крупнейший богач Великого острова, который разорил множество мелких владельцев акций, обводил вокруг пальца чиновников колониальной администрации, заставлял мальгашей трудиться до седьмого пота, оказался разоренным и был вынужден бежать...

— Как же это произошло?

— Банки прекратили выдачу кредитов как раз в тот момент, когда обанкротились спекулянты, орудовавшие по поручению Ванденбрюге.

Это объяснение встревожило Депардьё. Он и сам вложил значительную часть своих денег в спекулятивные операции. Неужели все пропадет?! И Депардьё представил себе, какая угроза нависла над его капиталами, вложенными в торговлю и плантации. Он может разориться, стать нищим, и тогда... Тогда Жаклина покинет меня... Если я не смогу больше обеспечивать ей роскошную жизнь, она уйдет к другому...

Катер причалил. Неподалеку от входа в порт высилось здание таможни.

Тревожная весть о банкротстве Ванденбрюге быстро разнеслась среди пассажиров «Кольбера». Итак, экономическая депрессия, разразившаяся в Америке, догнала их на Мадагаскаре. Теперь колонисты вспоминали многочисленные статьи в газетах и журналах о причинах кризиса, о рецептах от этого несчастья. Из США и других стран приходили вести о новых банкротствах, о самоубийствах банкиров и крупных промышленников, о разоблачении чудовищных спекуляций, о катастрофической безработице.

Колонисты испытывали острую зависть к колониальным чиновникам, получавшим громадные оклады.

— Эти чинуши ничем не рискуют, кризис или нет — им деньги идут все равно!

— Бросьте переживать, Депардьё! У вас такой убитый вид, будто вы сами замешаны в спекуляциях Ванденбрюге.

Пьер Шамарель пытался шутить. Вместе с четой Депардьё Шамарель занял место у столика в большом ресторане крытого рынка Мажунга, где как раз сегодня был организован праздничный бал-базар.

— Присаживайтесь к нам! — окликнул Депардьё «новичков» — Вальраза и его жену, нерешительно оглядывавшихся в поисках свободного столика. — Позвольте вам представить Пьера Шамареля, колониста и усердного исследователя природы...

Потом он познакомил Вальразов с высоким стариком, сидевшим рядом:

— Шарль Таннер — крупнейший знаток Мадагаскара!

Вальразы заняли места за столом.

— Что будем пить? Виски, пиво, касис-перье?

Оживленные голоса беседующих, восклицания, женский смех — все смешивалось в сплошной гул под громадным металлическим зонтом крыши. Холл был разделен на две части крашеными фанерными перегородками. По одну сторону веселились представители колониальных властей, белые чиновники, несколько богатых и знатных мальгашей, а по другую — коренные жители — мальгаши, народ. В знойном и влажном воздухе стойко держался смешанный затхлый запах пота и помады, пыли и несвежего мяса, рыбы и гнилых фруктов. Ни малейшего дуновения ветерка. Большие лампы, подвешенные к стропилам, бросали тусклый свет. Эскадрильи москитов то и дело атаковали людей, особенно женщин в их открытых платьях. Раздавалось хлопанье пробок, звон стаканов. Официанты носились по залу, выполняя все новые заказы.

Вальраз увидел, что в зале собрались пассажиры, прибывшие на «Кольбере», и все офицеры пароходной команды. Сюзанна чувствовала себя стесненно в этом шумном обществе малознакомых людей.

— Так вы, значит, будете работать в той же акционерной компании, что и наш известный Сезар Бардэн? — обратился к Вальразу Шарль Таннер.

— А вы знаете Бардэна?

— Знаю ли я Бардэна? Да с тех самых пор, как он появился здесь! Падение Ванденбрюге наносит удар и ему.

— Они были компаньонами в каких-либо операциях?

— И да и нет. У них было много общих коммерческих интересов. Но Бардэн слишком тонкая бестия, чтобы клонуть на первую попавшуюся приманку.

Грянул джаз. Пары танцевали с увлечением.

— Вы никогда еще не выезжали из Франции? — спросил Таннер.

— Никогда, — ответил Вальраз.

— Здесь вы обнаружите много непривычного.

Жизнь европейца в заморской колонии — это особый мир. Здесь оформляется своеобразное общество. Оно создает свое мнение, дает свои оценки всему, обладает особыми пороками. Пороки эти бросаются в глаза резче, чем в метрополии.

Шарлю Таннеру лет шестьдесят. Он высок ростом и хорошо сложен. Глаза у него голубые, а взгляд необычайно острый. Лицо изрезано глубокими морщинами. Несмотря на то, что Таннер прожил тридцать пять лет в джунглях, он сохранил старомодную вежливость тех времен, когда молодые люди из «порядочных» семей, любители верховой езды, обладавшие ростом не ниже 180 сантиметров, шли служить в привилегированные гвардейские кирасирские полки. Голос у этого старого гвардейца теплый, мягкий и сочный — настоящий «бархатный баритон».

— Когда я ехал на Мадагаскар, моим попутчиком в море был один старый золотоискатель-англичанин, перекопавший много земли на юге Африки. Он спросил меня, знаю ли я что-нибудь о Мадагаскаре, и тут же сам ответил: «Нью континент, олд рок» — континент новый, а стар, как мир. Больше он ничего не сказал, но в этой фразе заложен глубокий смысл. Если вы хотите познать страну, изучите ее почву, ее фауну и флору. Растения, животные, птицы на Мадагаскаре принадлежат к древнейшим породам. Таких нет ни в одном из уголков земного шара. Подумайте только, ведь здесь на юге попадаются еще экземпляры эпиорниса — гигантского страуса. Эпиорнис водился на Мадагаскаре еще до появления человека на земле! Это птица Рох из «Тысячи и одной ночи», не так ли, Шамарель?

Шамарель утвердительно кивнул головой. Таннер похлопал его по плечу:

— Шамарель — мой первый и единственный ученик. Правда, его шокирует мое презрительное отношение к казенной науке.

— Но вы все время пускаете в ход парадоксы...

— А разве не наш стариковский долг — предостерегать молодежь, чтобы она не принимала на веру всякий ученый вздор, которым ее пичкают?

Мальгаши-официанты — буты, как их здесь называют, — виртуозно пронесли подносы с кушаньями и винами среди водоворота танцующих пар.

— Не был ли вашим попутчиком кто-либо из уполномоченных министерства колоний?

— Да, был. Некто Сантинелли.

— А, это из тех, которые обожают нести ахинею. Все эти уполномоченные уверены, что делают гениальные открытия, рассказывая то, что мы знаем уже давным-давно...

Разговоры Таннера раздражали Жаклину. Ей было досадно, что Фремо, рассевшийся с женой и детьми за столиком командующего округом, до сих пор не догадался пригласить ее танцевать. Неужели он так быстро забыл все свои сердечные излияния на борту «Кольбера», клятвы и обаяния в каюте?

Жак Вальраз и другие мальчишки умудрились играть в кошки-мышки среди танцующих пар. Не чувствовалось вечерней свежести: воздух казался тяжелым и липким. Дряхлеющий кавалер Депардьё вдруг поднялся и обратился к Сюзанне Вальраз:

— Мадам, позвольте пригласить вас на танец.

Сюзанна задержалась в нерешительности. Эта атмосфера провинциального ярмарочного гулянья была непривычной для парижанки. Но, отправляясь на Мадагаскар, она знала, что ей придется поступать так, как поступают в колонии все. Сейчас она обязана танцевать, так как танцуют все — стар и млад. Потом она должна будет играть в бридж, посе-

щать салоны дам местного «светского» общества, заниматься благотворительностью; в противном случае она рискует прослыть зазнайкой и остаться вне общества.

Ее задерживало еще и тайное опасение, что Клод будет вынужден пригласить Жаклину. Сюзанна возненавидела эту красивую развратную женщину и ужасалась от мысли, что в Тананариве придется с ней сталкиваться повседневно. Когда же Шарль Фремо быстро встал из-за стола и направился к Жаклине, Сюзанна вздохнула с облегчением. Жаклина сразу повисла на шее Фремо.

— Мадагаскар, — продолжал неугомонный Таннер, — представляется мне живым существом. Я разгадываю тайны его истории. Я могу перечислить вам названия всех деревень, всех рек и речушек, всех холмов, перевести с мальгашского и истолковывать значение всех названий этих мест. Я могу перечислить и описать сотни особенностей местных пород скота. Что же касается ваших кабинетных ученых, то они способны лишь повторять то, что до них изучили другие. Ваши ученые — просто бумагомараки.

Таннер разгорячился. Он выпил глоток пива, обвел толпу внимательным взглядом и продолжал:

— Ошибка европейцев в их тупом убеждении, будто малютка-Европа представляет собой пуп земли. А между тем как только вы миновали Суэц, ваша Европа уже ничего не стоит.

Клод внимательно прислушивался, стараясь понять, к чему клонит старый мадагаскарский колонист.

*Перевел с французского
С. Волк.*

КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Можно быть скромным, не будучи мудрым;
нельзя быть мудрым, не будучи
скромным.

Нельзя обойтись без друга.

Красивая дорожка не ведет далеко.

Если у дерева больше ветвей, чем корней,
— его снесет ветер.

Один день стоит трех, если все делать
вовремя.

Самую неприятную истину лучше знать,
чем не знать.

Не надо пользоваться услугами тех, к кому
относишься с подозрением,
и подозревать тех, чьими услугами
пользуешься.

Дурак больше всего доволен собой, когда
сделает какую-нибудь глупость.

ИССАМ ХАММАД

Иордания

Так говорила природа поэту...

Оставь меня.
Мне надоело пенье
хвалебных од о красоте моей.
В них славятся
лишь сонные виденья,
и лунный свет,
и шелесты ветвей,
и нивы, и журчащие потоки...
Мне надоело слушать эти строки!
Твои глаза
не смеют любоваться
чарующим мерцанием ночей,
когда тоска,
отчаянье и рабство
затмили мглою тысячи очей.
Как можно
щебетаньем птиц влюбленных
заслушиваться,
глядя на луну,
когда твоих голодных братьев
стоны
вторгаются в ночную тишину!
Заря людского счастья
и свободы,
глаза без горя,
сердце без вражды!
Без вас
никчемна
красота природы,
весны и неба,
солнца и воды!
Феллах,
от зноя солнечного черный,
творит вино
из гроздьев золотых,
и землепашец
рассевает зерна...
Я разве значу
что-нибудь без них?
Оставь меня.
Мне надоело пенье
хвалебных од
о красоте моей.
Отдай народу
каждое мгновенье.
Печаль народа
песнями развей!
Для юного
и старца
стань надеждой,
гори звездой рассветной
поутру
и кровью сердца
и душой мятежной
зови собратьев
к миру и добру!

Перевод с арабского